

Свалова Екатерина Николаевна
старший преподаватель кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ ОСНОВАНИЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПОСЛОВИЦ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №17-14-59001-ОГН «Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры»

В статье исследуется образность коми-пермяцких пословиц, которая рассматривается не только как черта фольклорной поэтики, но и как значимый элемент семантической структуры устойчивого высказывания. Дается анализ видов образного оформления пословичных выражений (использование природных, хозяйственно-бытовых, телесно-соматических, мифологических и пр. образов), рассматривается воздействие использованного образного средства на оценочные и прагматические возможности пословицы. Делаются выводы об отражении в образном составе пословиц национально-этнического компонента значения, о влиянии образных средств на многозначность паремического высказывания.

Ключевые слова: малые жанры фольклора, этническая специфика пословиц, образная основа пословицы и ее семантика и оценочность.

В пословицах выказывается отношение народа к различным жизненным явлениям, обобщается культурный опыт, формулируется поучительный смысл поведения в непростых жизненных ситуациях. В этих художественных микротекстах значима не только логическая природа и заложенная в выражении абстрактная истина, но и художественный образ, благодаря которому ответ на житейский вопрос делается по-настоящему убедительным и конкретно-осязаемым. Цель настоящей статьи – анализ видов образных оснований коми-пермяцких пословиц. Образы во многом определяют их смысловое своеобразие. В этнических культурах они мотивированы условиями жизни народа, как природными, так и экономическими, связанными с трудовой деятельностью, с традициями, обычаями и верованиями народа.

Темы пословиц могут быть сформулированы как в образном ключе, так и абстрактно, умозрительно. Выделяя необразные и образные паремии, исследователи отмечают, что в необразных пословицах все компоненты выступают в своих обычных, словарных значениях и

сохраняют предметную соотнесенность (см.: [Ясюкевич 2013]). Пословица с ослабленной образностью о том, что человек часто экономит силы там, где этого делать не следует *Бытшöмика керан – öттырись керан, умöля керан – кыкпöв керан* («Хорошо сделаешь – один раз сделаешь, плохо сделаешь – два раза сделаешь») строится на повторах и антонимических противопоставлениях. Эффективность пословицы обеспечивает также особое звуковое оформление, рифма, ритмическая организация, лаконичность – средства, которые не только позволяют легко ее запомнить, но и придать ей цельность и семантическую слитность: *Кытöн дзескыт сэтöн и чöскыт* («Где тесно, там и вкусно» – слова, которые говорят, когда рады приютить у себя человека); *Тулыснас узян, арнас шогö усян* («Весной проспишь, осенью заболеешь» – соответствие русскому выражению *Весенний день год кормит* ‘о драгоценности благоприятного для сева времени’); *Кык смертьлö не вöвны а öтiксис нем повны* («Двум смертям не бывать, а одной нечего бояться» – применяется в какой-либо экстремальной ситуации как призыв не бояться опасности). Рифма организует иронический комментарий хвалебных речей *Ошкан, ошкан да ошö пöртан* («Много будешь хвалить – превратишь в медведя»). В пословице также задействована каламбурная игра этимологически не родственных слов *ошкыны* ‘перехвалить’ и *ош* ‘медведь’, хотя основной выразительный эффект задается упоминанием элементов древнего мифа о превращении людей в медведей, отдаленной отсылкой к обряду (очевидно, славословия, величания: слово *ошкыны* исходно соотносилось с обрядом принесения клятвы [Лыткин, Гуляев 1970: 209]).

Образные паремии в силу своей повышенной иносказательности отличаются действенностью. А.А. Потеня, сравнивая пословицы *На Бога надейся, а сам не плошай* и *Богу молись, а к берегу гребись*, указывал: «Если обобщение не будет заключать в себе следа своего происхождения от образа, мы получим другой вид пословицы, именно – безобразное изречение нравственного содержания» [Потеня 1976: 518–519]. В образных высказываниях слова подвергаются семантической трансформации, и в результате посредством образа создается требующее расшифровки обобщение, приложимое к многочисленным ситуациям.

Образные речения коми-пермяцкого, как и любого другого народа, глубоко специфичны и имеют ярко выраженный национальный характер. Передача их формы и содержания средствами другого языка во многом затруднена именно тем, что использованные в них образы укоренены в этнической культуре, и круг связанных с ними ассоциаций в разных культурах может не совпадать. Основой для образных переосмыслений становятся названия животных и растений, явлений природы, предметов быта, номинации из фольклорной и обрядовой сферы. Коми-пермяцкие посло-

вицы касаются всех основных тем человеческого бытия. В них отражены взгляды на жизнь и смерть, отношение к труду и безделью, к родине и чужбине, оценка тех или иных черт характера человека, запечатлены его обычаи и привычки. Нормы и правила жизни при этом нередко формулируются обращением к реалиям, типичным для особенностей условий жизни народа. Как отмечал исследователь коми фольклора Ф.В.Плесовский, поскольку на особенности образного языка фольклора накладывает свой отпечаток специфика природных и культурно-исторических условий жизни народа, коми фольклор отличается особым разнообразием пословиц, связанных с охотничьим и рыболовным промыслами [Плесовский 1973: 6].

Жизнь в лесном крае накладывает свой отпечаток на образный строй языка коми-пермяков. Так, мысль о том, что нужно не терять свой шанс или время, делать что-либо, пока есть возможность, выражена пословицей *Көр лыыс усьё, сэк и лиась* (букв. «Когда камбий сходит, тогда его и снимай»; *камбий* – это мезга, мягкая древесина у коры растения). Аналогична ей пословица *Симётсё кульёны, көр шедё* («Берёсту сдирают, когда она отстаёт»). Береста и лыко имели для коми-пермяков особое значение в производстве обуви, бытовой утвари и посуды, в сооружении построек, поэтому практический опыт заготовщиков коры и был учтен в формулировании жизненной истины.

Образы природного мира в коми-пермяцких пословицах достаточно частотны. При оценке человека, семьи активно используются аналогии с лесом и деревьями. Выражение *Откодъ нуэс оз быдмё* («Одинаковые деревья не растут») о том, что одинаковых детей не бывает, что каждый человек в своем роде уникален, осознается на фоне древней веры в родство человека и дерева (выражение близко по смыслу к русской метафорической пословице *Дерево дереву рознь*, которая, впрочем, используется и в прямом значении – для подчеркивания особых свойств той или иной древесины при строительстве, деревообработке). Пословица *Гортын и кымёра лунё гажса* (букв. «Дома и в сумрачный день весело») о том, как хорошо дома, на своей родине, содержит сопоставление состояния человека и природного мира, причем понятие дома здесь распространено и на окружающую среду. Близкая по смыслу русская пословица *В гостях хорошо, а дома лучше* (то же в диалектном оформлении *Хорошо, да в людях, худо, да дома*) актуализирует несколько иные смыслы, подчеркивает ценность для каждого человека дома, собственного жилья, семьи и строится на сопоставлении «своего – чужого». Образы животных могут иллюстрировать абстрактное понятие: *Том кадыт – чань, пёрисыт – сувтём вёв* («Молодость – жеребёнок, старость – стоячая лошадь» – пословица о том, что в молодости много сил и энергии). Выражение строится не только на развертывании идеи движения – жизни, старый человек в нем обозначен

как стоящий у предела земной жизни, поскольку конь в коми-пермяцкой культуре выступает как своеобразный посредник между мирами, с его помощью осуществляется коммуникация человека и божественных сил, связь между миром людей и умерших предков (см. о спектре культурно-символических смыслов коня: [Голева 2009: 206]).

Пословица *Работа не лягуша – ваё оз чеччöвт* (букв. «Работа не лягушка – в воду не прыгнет») о том, что работу, даже если не хочешь, все равно приходится выполнять, содержит соотношение абстрактного понятия с образом земноводного животного. На первый взгляд, пословица, как и другие выражения типа русского *Работа не волк, в лес не убежит*, содержит оправдание отдыха и безделья (см. подробно о заимствованиях этого типа [Свалова 2017]). Фактически же в ней труд представлен как каждодневная необходимость и человеческая участь (в отличие от свободной жизни природного существа).

Заметная черта коми-пермяцкой паремии – **фольклорно-мифологические образы**. Выражение *Чудсö миссьöт эн миссьöт – сё лoас сьöд* («Чуда мой не мой – всё чёрный») используется для характеристики сумасбродного человека, которого ничем нельзя удержать. В нем использовано название мифического темнокожего племени чудь, черных карликовых зооантропоморфных существ, которые в более позднее время были отождествлены с нечистой силой [Лимеров 1998: 79]. В отличие от русского пословичного *черного кобеля* образ мифического народца *чудь* характеризует иррациональность в поведении человека более мотивированно. Выражение *Сизимись ас гöгöрат бергöтчы да эшö думайтышит* («Семь раз повернись вокруг себя, да ещё подумай»), на наш взгляд, связано с магической обрядностью. Как и русское соответствие *Семь раз отмерь, один раз отрежь*, которое скорее всего пошло от портных и связано с невозможностью исправить ошибку при раскрое материи, оно свидетельствует о необходимости всё тщательно обдумать и взвесить, прежде чем действовать. Коми-пермяцкое выражение, скорее всего, опирается на известную разным культурам медитативную технику многократного кружения вокруг себя (считается, что возникающее при этом кружение в голове лишает человека на время мыслей и эмоций; после такого вращения человек получает определенную мыслительную «перезагрузку», его сознание «расширяется»). Исходный ритуальный смысл действия подчеркивается числом *семь*, которое считается управляющим пространством и временем; сакральная окрашенность числа актуализирована использованием его в обрядовом контексте. Организующий пословицу образ кружения выступает как прием магической практики, которая, как считается, позволяет человеку довериться миру, высшим силам и естественному ходу вещей. Впрочем, заметим, что в коми-пермяцком языке употребляется

и калькированная русская пословица *Сизимись меряйт – отпырись вундышит*.

Бытовые и телесно-соматические образы, соотнесения с будничными занятиями часто используются для оценок и комментирования норм и правил жизни. Выражение *Кывнат пессо он поткот* («Языком дрова не наколешь») содержит осуждение болтовни. Язык в русской языковой культуре сравнивается с оружием (*Не ножа бойся, языка*), с мельницей (*языком молот*), с мешалкой для сбивания масла (*болтать языком*), персонифицируется, наделяется собственной волей и сознанием [Полиниченко 2004: 14]. Использованное в коми-пермяцкой пословице сопоставление языка с топором (инструментом, обязательным для жителя леса) формирует алогичный образ, усиливающий осуждение праздного времяпрепровождения. Выражение *Синнэт полёны, а киэт керёны* («Глаза боятся, а руки делают») используется для оценки необходимости делать трудное, незнакомое дело и аналогично русскому *Глаза страшатся, а руки делают* с персонифицированием частей человеческого тела, представлением человеческого органа в виде вполне самостоятельного живого существа. Специфична в данном случае для коми-пермяцкой пословицы возможность замены образа рук, с которыми связывается идея работы, на ноги – при обозначении необходимости преодолеть дальнейшее расстояние (*Синнэт полёны, а кокет керёны*).

Промысловая и аграрная образность используется при оценке отношения к труду, его результатов. Выражение *Божтё кототан – дак и черисё сёян* (Букв. «Хвост помочишь, так и рыбку съешь») используется в том же значении, что и русская пословица *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* (чтобы получить результат, надо приложить усилия). В отличие от русского коми-пермяцкий оборот конкретен и натуралистичен, удовольствие от связанного с напряжением труда выражено психологически достоверно. Пословица *Бобётчыны – не тёлотчыны, син оз ёгьясь* («Врать не велять, глаза не засорятся») с осуждением обманщика содержит мотив ручного веяния зерна (очищения его на ветру от мякины и сора). Этот образ част и в русской паремике (*Чисто врёт – велять не нужно* иронически о лжеце, *Чужую рожь велять – глаза порошок*; здесь выражено осуждение попытки обхитрить, которая оборачивается ущербом для себя). Русские соотнесения ироничны и сравнивают вранье с трудной работой (*Врать не рожь молотить, Врать – не косить, спина не заболит, Врать не мешки ворочать*), тогда как коми-пермяцкое выражение представляет лживого человека резко негативно еще и как берегущего себя. Мысль о том, что обо всех делах судят по их итогу, содержит пословица *Кор сюыс оксьё, сэк и мераыс лоо* («Когда зерно собирается,

тогда и мера определяется»). Полностью соответствуя русскому народному выражению *Когда рожь, тогда и мера*, коми-пермяцкий вариант лишен лаконичности.

Образы в пословицах используются не только для усиления впечатления и облегчения восприятия выражения, они выступают также в качестве инструмента языкового мышления. С их помощью задается глубинный смысл народного изречения, формулируется более общая мысль, программируются дополнительные семантические нюансы и оценочные смыслы, т.е. прагматические качества. В пословицах с помощью национальных кодов культуры получают свое толкование универсальные понятия, при этом различие в образной составляющей близких по смыслу пословиц придает им своеобразие, национальную окраску. В связи с культурной многозначностью одного и того же образа в разных языках имеет место актуализация разных его аспектов, с чем обычно и связаны семантические расхождения внешне сходных пословиц.

Библиографический список

Голева Т. Г. Образы коня, быка и коровы в представлениях коми-пермяков. Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып.5. Пермь, 2009. С. 204–210.

Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1998. 125 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 385 с.

Плесовский Ф. В. Коми пословицы и поговорки. Коми книжное издательство. Сыктывкар, 1973. 216 с.

Полиниченко Д. Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт: на материале русского и английского языков: автореф. докт. филол. наук. Краснодар, 2004. 21 с.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.

Свалова Е. Н. Русские паремические высказывания в коми-пермяцком освоении. Филологические заметки. 2017, №2. С. 56–63.

Ясюкевич Е. Н. Образно-смысловая организация паремий (на материале русских и английских пословиц и поговорок). // М.В. Ломоносов в истории науки, культуры, университетского образования: м-лы Международной научной конференции (Гродно, 15-16 декабря 2011 г.). Гродно: ГрГУ, 2013. С. 97–103.

E.N. Svalova

Senior Lecturer of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PECULIARITIES OF FIGURATIVE ROOTS OF THE KOMI-PERMYAK PROVERBS

The article investigates the figurativeness of the Komi-Permyak proverbs which is considered to be not only the feature of the folk poetics but also a significant element of the semantic structure of a set utterance. The analysis of types of figurative formulation of proverb expressions (usage of nature, household, bodily-somatic, mythological and other images) is made, the influence of the used figurative device on the evaluative and pragmatic resources of a proverb is discussed. Conclusions about the reflection of the national-ethnic component of the meaning in the figurative content of proverbs, about the influence of figurative devices on the polysemanticism of the paroemic utterance are made.

Key words: Small genres of folk-literature, ethnic features of proverbs, figurative roots of a proverb, its semantics and evaluativity.